

Ведь он сам стал премьером, не занимая никаких постов в партии и правительстве. У Я. Фукуды много общего с С. Абэ. Оба потомственные политики, принадлежат к высшему эшелону политической элиты. Отец Я. Фукуды был премьер-министром, а отец С. Абэ – генеральным секретарем в его кабинете.

Т. Фукуда провозгласил внешнеполитическую доктрину, которая вошла в историю под его именем. Она была предназначена для укрепления взаимного доверия со странами ЮВА. В ней говорилось, что Япония никогда не станет военной державой, будет строить отношения с азиатскими странами на основе чистосердечного доверия и будет сотрудничать с АСЕАН как единой организацией. Я. Фукуда, продолжая линию отца, намерен развить его доктрину применительно к нынешним условиям. Он считает абсолютно недопустимым существующий уровень отношений с Китаем. Проблемой растущей напряженности в японо-китайских отношениях озабочены и в США, справедливо полагая, что она негативно скажется не только на Соединенных Штатах, но и на ситуации во всем мире. От нового японского премьера ждут, что он сможет преодолеть образовавшуюся дипломатическую мертвую точку.

20 сентября 2006 г. новым премьер-министром Японии стал Абэ Синдзо. Как и предполагалось, в этом выборе не было интриги, а, вот, сюрпризы в политическом курсе С. Абэ вполне ожидаемы.

Токио – Пекин: от партнерства к противостоянию?

А. В. Семин

В течение всего послевоенного времени отношения между Японией и Китаем развивались неровно, хотя и при благоприятных в целом тенденциях. С момента нормализации в 1972 г. наиболее стабильно и успешно они развивались в торгово-экономической области. В 90-е годы стало возможным не только динамичное и масштабное торгово-экономическое сотрудничество, но и политический диалог руководителей двух стран, постепенно приобретавший регулярный характер. В принятой в 1998 г. на токийском саммите совместной декларации было выражено стремление сторон к «партнерству в духе дружбы и сотрудничества в XXI в.».

Сегодня мы являемся свидетелями новых, в чем-то даже тревожных, тенденций в развитии японо-китайских отношений. Они наметились в сфере экономики, обретают все более острый характер в политической области. Заблокирован политический диалог, а значит, не преодолены давние разногласия вокруг территориальной принадлежности о-вов Сэнкаку, а также тайваньского вопроса. Крайнего обострения в 2004–2005 гг. достигла полемика между сторонами в связи с различиями в оценках общего военного прошлого. Возникают и постепенно множатся новые поводы для взаимных нападок и обвинений. В последнее время они концентрируются вокруг проблемы освоения газодонного шельфа в спорном районе Восточно-Китайского моря. Остановить дальнейшее ухудшение отношений между Токио и Пекином пока не удастся.

Однако, несмотря на политические и территориальные разногласия, двусторонние торгово-экономические связи продолжают расширяться. В 2004 г. Китай вышел на первое место как торговый партнер Японии, опередив США. Японо-китайский товарооборот достиг 22,2 трлн. иен (213,28 млрд. долл.), а японо-американский – 20,48 трлн. иен (196,75 млрд. долл.)¹. На начало 2004 г. прямые инвестиции японского капитала в китайскую экономику составили 66,6 млрд. долл.² В 2005 г. КНР сохранила положение ведущего партнера во внешней торговле Японии. Объем двусторонней торговли вырос по сравнению с предыдущим годом на 12,4%, достигнув 24,95 трлн. иен. При этом японский экспорт составил 12,81 трлн. иен (увеличение на 8,3%), а импорт из Китая – 12,14 трлн. иен (рост на 17%). Положительное торговое сальдо было в пользу Японии – 669,6 млрд. иен

¹ The Japan Times. 27.01.2005.

² <http://www.mofa.go.jp/asia-paci/index.html>.

(снижение на 53,8% по сравнению с предшествующим годом)³. Вместе с тем, превратившись в «планетарное производственное предприятие» и одного из ведущих экспортеров промышленной продукции, Китай стал главным торговым конкурентом Японии в странах Восточной Азии. Масштабы китайского рынка стали, станков, мобильных телефонов, электробытовой аппаратуры уже превзошли масштабы японского рынка и продолжают очень быстро увеличиваться.

В этом смысле показателен происходящий в стране автомобильный бум. В 2003 г. Китай поднялся на четвертое место в мире по производству (после США, Японии и Германии) и на третье место по продаже автомашин (после США и Японии), тогда как в 1990 г. он занимал и по производству и по продаже 13-е место⁴. В 2005 г. в КНР было произведено 5,71 млн. автомашин (в Японии – 9 млн.), продано 5,72 млн. (в Японии – 5,85 млн.). Согласно японским прогнозам в ближайшее время КНР обойдет Японию по продажам, а к 2010 г. – по производству автомобилей⁵. И японские производители активно способствуют этим переменам. Компании «Хонда», «Нисан», «Тоёта», «Мазда», «Судзуки», «Мицубиси» либо уже ввели в действие свои предприятия на территории Китая, либо имеют конкретные планы в этой области на ближайшие годы, так как потребительский спрос на автомобили в КНР быстро растет.

Китай стал одним из крупнейших потребителей сырья. В 2003 г. он обошел Японию по потреблению нефти. Гигантски выросшее потребление китайской экономикой сырья, по оценке японских специалистов, стало причиной резкого повышения цен на него на мировом рынке. Только в течение одного года цена на сталь поднялась на 20%, антрацит на 18%, металл на 30%, уголь на 25%, бумажная макулатура на 30%. Цена на никель выросла в 2 раза. Такой ход событий болезненно затрагивает интересы Японии⁶.

Особенностью складывающейся ситуации является то, что Япония сама внесла заметный вклад в усиление экономического могущества Китая, выступая в течение длительного времени в качестве и кредитора, и инвестора, и экспортера современных технологий и опыта. Свыше двух десятилетий Китай являлся одним из главных получателей официальной помощи развитию (ОПР), предоставляемой японским правительством. Эта помощь, включающая льготные кредиты, техническую и безвозмездную финансовую помощь, сыграла, по признанию китайских руководителей, немалую роль в процессе экономических преобразований в стране. Японская правительственная помощь, предоставляемая Китаю с начала реформ, решала одновременно важные задачи и для экономики Японии: обеспечение стабильного импорта природных ресурсов и сырья, а также стимулирование

экспорта. Иначе говоря, японская помощь, существенной частью которой были связанные льготные кредиты, прежде всего, способствовала освоению Японией китайского рынка. Но наряду с этим существовала и важная внешнеполитическая цель – обеспечение стабильной обстановки в регионе. Именно этим объяснялась та готовность, которую проявила правящая элита Японии к предоставлению Китаю крупных кредитов с правительственной гарантией. Необходимо подчеркнуть, что вначале кредитные программы были ориентированы главным образом на финансирование проектов развития экономической инфраструктуры КНР. Кредиты выделялись на развитие энергетического комплекса, строительство портов и железных дорог, заводов, электростанций и ирригационных систем, модернизацию систем связи и др., что обеспечивало предпосылки для экономического прогресса. На 2005 г. по линии ОПР Япония предоставила Китаю за весь предшествующий период льготных «кредитов» на сумму 3133,1 млрд. иен, безвозмездную помощь – 145,7 млрд. иен, на цели технического содействия – 144,6 млрд. иен⁷.

К настоящему времени позиция Токио в вопросе оказания экономической помощи Китаю претерпела коренное изменение. Основной причиной этого является нежелание и далее способствовать усилению экономической и военной мощи соседней страны, которая превратилась из экономически зависимого партнера в реального соперника за экономическое и политическое влияние, в первую очередь, в Восточной Азии. Более того, в последнее время Китай стал рассматриваться в качестве потенциальной угрозы для безопасности Японии. Начиная с 2001 г. японское правительство встало на путь последовательного сокращения объема экономической помощи Китаю, а с 2006 г. оно планирует полностью прекратить безвозмездную финансовую помощь. Согласно официальным разъяснениям, это делается с учетом принятого правительством критерия: оказывать помощь странам, у которых ВВП на душу населения не превышает 1400 долл. По оценке японских экспертов, данный рубеж КНР должна была преодолеть уже в 2005 г.⁸

С 2008 г. намечено прекратить выделение новых (иновых) кредитов. «Нет больше необходимости в масштабной официальной помощи развитию Китая, учитывая его быстрый экономический рост»⁹, – считает японское правительство. Китай, который всегда рассматривал помощь в качестве компенсации ущерба, понесенного по вине Японии в ходе второй мировой войны, выражает недовольство действиями Токио.

Таким образом, в сфере японо-китайских торгово-экономических связей ситуация принципиально меняется. Лет десять тому назад исследователи сходились во мнении, что состояние этих связей оказывает позитивное,

³ The Japan Times. 27.01.2006.

⁴ Экономисуту. 28.09.2004, с.18–24.

⁵ Асахи симбун. 31.03.2006.

⁶ Экономисуту. 28.09.2004, с. 18–24.

⁷ http://www.mofa.jp/policy/oda/region/e_asia/china/index.html.

⁸ The Daily Yomiuri. 12.12.2004.

⁹ The Daily Yomiuri. 18.03.2005.

стабилизирующее влияние на все стороны японо-китайских отношений. Однако уже не первый год это не так. Рубежом перемен стала первая торговая война между двумя странами в 2001 г. И хотя конфликт был преодолен, и стороны извлекли определенные уроки, вернуться полностью к прежнему состоянию отношений им не удалось. Торгово-экономические связи становятся все напряженней.

В большей мере о неблагополучии в двусторонних отношениях свидетельствует затянувшееся состояние тупика в политическом диалоге Токио с Пекином. Член Госсовета КНР Тан Цзяхуан, ответственный за внешнеполитические вопросы, оценил нынешнее состояние отношений с Японией как «самое сложное» со времени нормализации в 1972 г.¹⁰ Ярким подтверждением правильности такой оценки являются взаимоотношения между лидерами двух стран. Так, с 2001 г. нарушилась утвердившаяся в 90-е годы практика обмена визитами. Правда, контакты продолжались на территории третьих стран, чаще всего во время международных конференций. Но подобные контакты, как правило, носили малосодержательный, скорее формальный, характер. А с конца 2005 г. китайская сторона отказалась и от подобных встреч с премьер-министром, а также с министром иностранных дел Японии¹¹. Отказ увязывался с непрекращающимися посещениями японским премьером широко известного храма Ясукуни, где захоронены осужденные Международным военным трибуналом военные преступники наряду с другими погибшими в войнах японцами.

Но «проблема Ясукуни», ставшая болевой точкой в двусторонних отношениях, является отнюдь не единственной в ряду проблем, связанных с трагической историей японо-китайских отношений. В последнее время предельного накала достигла полемика вокруг содержания японских школьных учебников истории. В марте – апреле 2005 г. в ряде китайских городов были организованы масштабные выступления населения под анти-японскими лозунгами. О накале страстей свидетельствовали многочисленные факты вандализма в отношении японских представительств, предприятий, магазинов. Характерно, что наряду с требованием пересмотра содержания учебников участники демонстраций призывали не допустить приема Японии в число постоянных членов Совета Безопасности ООН.

По мнению многих наблюдателей, в действительности, тема «неправильных» учебников истории для антияпонских выступлений в Китае была лишь формальным поводом. Очевидно, серьезным толчком для этих событий послужила выраженная Японией готовность к дальнейшему усилению военно-политического взаимодействия с США на том направлении, которое затрагивает существенные интересы КНР. 19 февраля 2005 г. в Вашингтоне состоялось заседание японо-американского консультативного комитета по вопросам безопасности с участием глав военных и внешнеполитических

ведомств. Был принят важный программный документ – «Общие стратегические цели», несомненно, привлечший огромное внимание политико-общественных кругов многих заинтересованных стран, в первую очередь Китая.

Данный документ «знаменует эволюцию отношений двух стран». Япония как страна-союзник США трансформируется в «Британию Дальнего Востока». Она становится чеккой, «ключевым аванпостом безопасности в оборонительной системе США в АТР». Такие оценки были даны, в частности, в комментарии политического обозревателя К. Такахаси, опубликованном газетой «Asia Times». Об итогах переговоров с японцами с подчеркнутым удовлетворением заявлял министр обороны США Дональд Рамсфельд: «Я не припомню того времени, когда бы отношения США с Японией были ближе и конструктивнее. Мы в США ценим это и пожинаем плоды». Между тем автор комментария отметил, что в документе прослеживается подтекст, касающийся будущего Японии, прежде всего в части перспективы пересмотра ее мирной конституции. «США разработали эту конституцию, а теперь хотят вычистить из нее пацифистские положения, чтобы, если потребуются, вовлечь Японию в вооруженный конфликт», – считает К. Такахаси¹².

Японо-американские договоренности непосредственно касаются Китая. В программном документе впервые в письменной форме зафиксировано обязательство Японии «нести вместе с США всю полноту ответственности за защиту общих интересов в зоне Корейского полуострова и Тайваня»¹³. Подобное согласование общих интересов, естественно, не могло восприниматься в Пекине иначе как недружественная акция. «Китайское правительство категорически против того, чтобы США и Япония выступали с какими-либо совместными заявлениями по Тайваню, поскольку это является вмешательством во внутренние дела КНР»¹⁴, заявил официальный представитель МИДа КНР. Но это была лишь первая реакция, обстоятельный ответ был дан позднее.

В марте 2005 г. в КНР был принят закон, допускающий применение военной силы в случае, если Тайбэй решится на объявление независимости «мятежной провинции» от материкового Китая. У такого шага сразу же объявились противники: США, Япония, Австралия. Госсекретарь США К. Райс заявила, что принятие этого закона повлечет за собой «повышение напряженности в регионе». «Серьезную озабоченность» в связи с решением китайских законодателей выразили представители Японии и Австралии. Австралийский министр иностранных дел А. Даунер даже счел уместным напомнить Пекину о действующем соглашении, которое предусматривает возможность совместных действий США и Австралии против Китая, в рамках формально существующей со времени холодной войны (с 1951 г.) блоковой Организации государств Юго-Восточной Азии – СЕАТО¹⁵.

¹⁰ Асахи симбун. 12.12.2005.

¹¹ Там же.

¹² Asia Times. 19.03.2005.

¹³ Коммерсант. 21.02.2005.

¹⁴ Там же.

¹⁵ Известия. 15.02.2004.

Итак, Япония в соответствии с принятой на себя «ответственностью за защиту общих интересов» с Соединенными Штатами в зоне Тайваня не может не ощущать угрозу прямого вовлечения в возможный конфликт, которого в годы холодной войны она успешно избежала. Произошло ли выдвижение Японии на этот, прямо скажем, рискованный рубеж внезапно? Очевидно, нет. Токио с начала 90-х годов целеустремленно продвигался в этом направлении. В 1990–2000 гг. вполне успешно была проведена политико-идеологическая работа, чтобы подготовить общественность к предстоящему превращению Японии из государства «одинокого пацифизма» в «нормальную» страну, конституция которой не исключала бы войны как «суверенного права нации» (9-я статья). Одновременно происходил постепенный пересмотр законодательной базы японских сил самообороны.

Начиная с 1992 г. в Японии были приняты более 20 законодательных актов, так или иначе касающихся статуса сил самообороны. Список был начат вступившим в силу в 1992 г. Законом о сотрудничестве в проведении миротворческих операций ООН. Тем самым Япония получила право направлять служащих сил самообороны за пределы территории страны вопреки ограничению, предусмотренному Законом о силах самообороны (1954 г.).

Подписав в 1996 г. Японо-американскую совместную декларацию по вопросам безопасности, Япония дала согласие расширить сотрудничество с США, распространив его на весь Азиатско-тихоокеанский регион. При этом фактически был преодолен конституционный запрет на участие Японии в «коллективной обороне». Затем, в 1999 г. было внесено изменение в Закон о морских силах обороны в части их использования за пределами территориальных вод страны, а в 2000 г. был введен Закон о проведении досмотра иностранных судов в японских территориальных водах.

Закон об особых мерах против террора 2001 г. обеспечил возможность легально направлять персонал сил самообороны за рубеж, другими словами, применять на практике не признаваемое конституцией право Японии на «коллективную оборону». В 2003–2005 гг. по инициативе кабинета министров был принят ряд законов, получивших общее название «чрезвычайного законодательства», которое создавало юридическую основу для осуществления подготовки страны, ее населения, сил самообороны к возможности возникновения чрезвычайной ситуации. В 2005 г. в Управлении национальной обороны Японии был разработан План обороны о-вов Сэнкаку в целях противодействия возможному вторжению извне, были также подготовлены поправки в Закон о силах самообороны, закрепляющие их участие в операциях по поддержанию мира за рубежом.

Совершенно очевидно, что Япония все активнее продвигается по пути расширения военного сотрудничества с США, легитимизации, легализации и расширения использования сил самообороны за пределами своей территории, отказа от «мирных» положений конституции, повышения статуса сил самообороны. Обсуждаются идеи превращения сил самообороны в вооруженные силы не только по названию, но и по боевым возможностям,

а также преобразования Управления национальной обороны в министерство обороны. При правительстве, возглавляемом Дз. Коидзуми, этот процесс заметно ускорился. Во многом он «стимулируется» Вашингтоном. Сигналы, подаваемые японскому партнеру представителями американского правящего класса, нередко имеют довольно откровенный характер.

Так, бывший госсекретарь США Коллин Пауэлл в ходе пребывания в Токио 13 августа 2004 г. открыто заявлял, что «если Япония надеется когда-либо стать постоянным членом Совета безопасности ООН, она, прежде всего, должна избавиться от своей пацифистской конституции»¹⁶. Позднее, сходные мысли высказывал бывший помощник госсекретаря США Ричард Армитадж. Он в специально подготовленной для газеты «Йомиури» статье «Решающая роль прочного альянса США и Японии в меняющейся Азии» давал понять, что «сохранение традиционных вооруженных сил (японские силы самообороны. – А. С.) вряд ли позволит Японии играть глобальную роль в мире». Американский политик указывал также на тот факт, что «все соседние Японии страны имеют более крупные вооруженные силы, чем она»¹⁷.

Китай серьезно обеспокоен новыми тенденциями в военной политике Японии, особенно тем, что в качестве одного из мотивов для изменения статуса сил самообороны и повышения их боевых возможностей в последнее время стала использоваться «китайская угроза». Впервые Китай в качестве потенциальной угрозы национальной безопасности Японии был назван в Основных направлениях программы национальной обороны 2005 г. Эта оценка затем была подтверждена начальником УНО Японии О. Ёсинори в том же году на февральском заседании Японо-американского консультативного комитета. Существенно, что принятыми им решениями был сделан важный шаг по согласованию военного взаимодействия двух стран. А 29 октября 2005 г. в Вашингтоне на очередном заседании комитета был одобрен промежуточный доклад «Японо-американский альянс: трансформация и перестройка с расчетом на будущее». Он предусматривает более тесную координацию разведывательной деятельности, усиление взаимодействия на уровне командования соединениями, а также совместное использование ряда военных баз на территории Японии. Были определены роль и задачи сил самообороны и американских вооруженных сил в случае нападения на Японию извне, а также возникновения военного инцидента вблизи японской территории, уточнена роль японских сил самообороны в рамках международного сотрудничества. Подводя итоги достигнутых договоренностей с США, начальник Управления национальной обороны заявил, что «правительство Японии готово к повышению роли сил самообороны в совместных оборонительных мероприятиях с вооруженными силами США»¹⁸. На следующем заседании консультативного комитета было намечено рассмотреть

¹⁶ Asia Times. 19.03.2005.

¹⁷ The Daily Yomiuri. 04.12.2005.

¹⁸ Асахи симбун. 31.10. 2005.

итоговый доклад по вопросам укрепления взаимодействия сторон в рамках японо-американского альянса.

Принципиально важно, что вопреки положениям действующей конституции руководство сил самообороны уже допускает возможность их участия в военных действиях. Рассматриваются и наиболее вероятные сценарии военных конфликтов, к которым Японии следует быть готовой. В Основных направлениях обороны 2005 г. впервые названы те проблемы, которые могут стать причиной возникновения вооруженного конфликта с соседним Китаем:

- природные ресурсы в спорном районе Восточно-Китайского моря;
- территориальный спор вокруг о-вов Сэнкаку (Дяоюйдао);
- поддержка Японией Соединенных Штатов в их конфликте с Китаем из-за Тайваня¹⁹.

Давняя проблема территориального спора вокруг о-вов Сэнкаку в последнее время приобрела для японо-китайских отношений наиболее взрывоопасный характер. Острова находятся в Восточно-Китайском море. Среди них – три относительно крупных острова общей площадью 6 кв. км. История принадлежности этих необитаемых островов довольно запутанная. Япония владеет ими фактически. При нормализации отношений в 1972 г. Китай не изъявлял претензий на Сэнкаку и впервые их обозначил в 1978 г. – в год заключения Договора о мире и дружбе с Японией. Но по инициативе Дэн Сяопина спор тогда не получил развития и был отложен на будущее. Хотя, конечно, часовой механизм «мины замедленного действия» уже был включен. Японцам об этом напоминали периодически возникавшие инциденты. Так, в марте 2004 г. группа китайских активистов движения за возвращение островов высадилась на одном из них и пыталась установить флаг своей страны. Японскими пограничниками «десант» был арестован. Послу КНР в Японии был заявлен протест по поводу «незаконного вторжения на японскую территорию». В свою очередь китайская сторона заявила о своих «бесспорных правах» на территорию островов²⁰.

До середины 90-х годов территориальный спор не отличался особой остротой. Резко изменяться ситуация стала начиная с 1996 г., когда Япония ввела 200-мильную эксклюзивную экономическую зону (ЭЭЗ). Китайская сторона восприняла это как шаг по закреплению прав Японии на Сэнкаку. Пекин ответил организацией массовых и весьма шумных демонстраций под антияпонскими лозунгами. Было объявлено о создании «оперативной группировки войск», предназначенной специально для использования в районе островов²¹.

Эскалация напряженности в районе островов начала возрастать после обнаружения в Восточно-Китайском море газо-нефтеносных ресурсов. Только газодобыча, по предварительной оценке японских специалистов,

может дать около 200 млрд. долл. Разработка с самого начала затруднялась отсутствием у КНР и Японии согласованного подхода к установлению морской границы. Китай линию своей границы ведет по кромке континентального шельфа. Она проходит гораздо восточнее той, которую признает Япония, предпочитающая признавать границу по центральной линии. Попытки достичь компромисса путем переговоров успеха до сих пор не принесли. Тем временем, китайская сторона уже приступила к добыче газа. Она осуществляется в трех пунктах: Чунсяо (яп. Сиракаба гасу-дэн), Тяньвайтянь (Каси гасу-дэн) и Дуаньцяо (Кусу гасу-дэн). В этих пунктах установлены мощные платформы, из района добычи к побережью проложен трубопровод. Японская сторона утверждает, что газо-нефтеносные участки на китайской стороне фактически соединяются с участками в японской экономической зоне. Японцы проявляют опасение, что Китай может выкачать весь газ из спорного района²².

В апреле 2005 г. японское правительство приняло решение начать выделение лицензий отечественным компаниям на ведение поисковых работ в Восточно-Китайском море. Первую лицензию получила в июле того же года компания «Тэйкоку ойл». Реакция китайской стороны была незамедлительной. МИД КНР заявил протест в жестких выражениях: действия японской стороны расценивались как «серьезная провокация», имеющая целью нарушить «суверенные права и интересы КНР и осложнить ситуацию в регионе». В обстановке растущей обеспокоенности в Японии в связи с развитием обстановки в Восточно-Китайском море в январе 2005 г. Управление национальной обороны сообщило о подготовке Плана обороны о-вов Сэнкаку на случай вторжения. Им предусматривается использование авиации, флота, частей сухопутных сил самообороны из состава Западной армии, дислоцирующейся на о-ве Кюсю.

В течение 2005 г. в органах законодательной и исполнительной власти Японии активизировалось обсуждение положения в Восточно-Китайском море с целью выработки мер противодействия потенциальной угрозе. Кабинет министров одобрил Основные направления по защите населения страны в случае нападения извне. В документе были квалифицированы категории подобного «нападения», намечены меры противодействия в случаях применения ядерного, биологического, химического оружия, а также террористической атаки на атомные электростанции. Принятие Основных направлений рассматривается в качестве шага на пути к созданию системы, которая будет действовать в чрезвычайной ситуации²³.

Итак, напряженность в отношениях между Токио и Пекином в последнее время стремительно нарастала. В октябре 2005 г. Дз. Коидзуми совершил свое пятое со времени вступления в должность премьер-министра посещение храма Ясукуни, несмотря на все протесты китайской стороны. Но на

¹⁹ National Defense Program Guide line for FY 2005 and After. 2004. p.50.

²⁰ Известия. 25.03. 2004.

²¹ Санкэй симбун. 12.09.1996.

²² Нихон кэйдзай симбун. 10.01.2006.

²³ The Daily Yomiuri. 23.03.2005.

этот раз Пекин отреагировал жестко. С конца 2005 г. китайская сторона прекратила контакты с премьер-министром, а также министром иностранных дел Японии, в том числе в рамках международных конференций. Довольно скоро двусторонние связи стали нарушаться и на других уровнях, в том числе на рабочем. Так, например, в ходе плановых неофициальных консультаций на уровне руководителей департаментов МИДа двух стран, состоявшихся в январе 2006 г. в Пекине, не по одному из обсуждавшихся вопросов стороны не смогли прийти к согласию. В результате, в частности, отсутствует какое-либо продвижение в переговорах по столь острому вопросу, каким является разработка газовых ресурсов²⁴.

Своеобразным ответом Токио на позицию китайского руководства стало принятие кабинетом министров в марте 2006 г. решения о замораживании «иеновых» кредитов, выделенных Китаю на 2005/06 фин. г. Отчасти непосредственным поводом для этой санкции стал инцидент, имевший место в японском генеральном консульстве в Шанхае. Там покончил жизнь самоубийством консульский работник, находившийся, как утверждается в японских СМИ, под давлением спецслужб КНР. Инцидент вызвал значительный резонанс в Японии, причем, на официальном уровне была выражена серьезная неудовлетворенность позицией китайской стороны в ходе расследования и преодоления последствий инцидента²⁵.

Нынешнее состояние отношений между двумя странами не только не соответствует собственным интересам Японии и Китая. Оно угрожает оказать негативное влияние на ситуацию в Восточной Азии, где и Японии, и Китаю принадлежит важная роль, создает помехи в реализации общих планов региональной интеграции, тем более что проведение планов в жизнь осложнено соперничеством между Токио и Пекином за лидирующую роль в регионе.

Япония как наиболее развитая в финансово-экономическом, технологическом отношениях держава до известного времени весьма обоснованно претендовала на лидерство в Восточной Азии и изначально внесла значительный вклад в выработку концепций регионального сотрудничества. Признание «центральной роли Японии в процессе интеграции азиатского региона и тихоокеанского сообщества» было зафиксировано в японо-американской декларации «О мировом партнерстве и глобальном плане действий», подписанной в Токио в 1992 г. Тогда Япония подтвердила свою готовность координировать свою региональную политику с США²⁶.

Япония поддерживала тесные связи с первой в Восточной Азии субрегиональной организацией стран Юго-Восточной Азии (АСЕАН) со времени ее образования, принимала активное участие в формировании форума Азиатско-Тихоокеанского экономического сотрудничества (АТЭС), учрежденного в 1989 г. (Китай вступил в него в 1991 г.). Однако АТЭС как региональная

структура, находясь под эгидой Японии, не смогла реализовать многие из декларированных ею намерений, оказалась неспособной создать действенный механизм согласования противоречивых интересов стран-участниц, успешно противостоять финансовому кризису в Азии 1997 г. В результате, авторитет АТЭС, а также ведущая роль в этом форуме Японии были поставлены под сомнение. Китай же, удержавший в ходе кризиса свои финансово-экономические позиции, воспользовался моментом, чтобы потеснить Японию. Он добился этого не только в АТЭС, но и в АСЕАН.

По мере укрепления экономического могущества и политического веса на международной и региональной арене, Пекин стал играть все более активную роль в осуществлении идеи создания в Восточной Азии региональной структуры, без участия в ней США. Подобная идея возникла вскоре после азиатского кризиса 1997 г. На шестой встрече глав государств АСЕАН, Китая, Японии и Южной Кореи в Ханое в декабре 1998 г. было выработано решение о регулярных встречах и развитии сотрудничества в формате АСЕАН+3. А на саммите в Маниле в ноябре 1999 г. его участники приняли Совместное заявление о сотрудничестве в экономической, социальной, политической и других областях.

Более конкретные очертания будущей региональной структуры обозначились в предложении, которое было сделано южнокорейским лидером Ким Дэжунгом. Он предложил образовать Группу прогноза для Восточной Азии. В нее были включены выдающиеся ученые, специалисты, которые к саммиту АСЕАН+3 2001 г. подготовили доклад с 57 конкретными рекомендациями для следующих областей: экономика, финансы, политика и безопасность, экология, общество и культура. Имелась и рекомендация, предусматривавшая «институционализацию», т. е. превращение саммита АСЕАН+3 в Восточно-Азиатский саммит, с перспективой образования Восточно-Азиатского сообщества. Доклад Группы прогноза был передан в специально созданную Группу по изучению проблем Восточной Азии, в которую вошли правительственные чиновники от стран-участниц АСЕАН+3. Данная группа подготовила отчет, в котором давалась положительная оценка доклада Группы прогноза, а также были определены в качестве приоритетных 17 краткосрочных и девять средне- и долгосрочных мер, имевших целью образование Восточно-Азиатского сообщества²⁷.

В дальнейшем, на этапе подготовки практических шагов по осуществлению регионального проекта, между Японией и Китаем возникли определенные разногласия. В частности, каждая из стран имела собственные представления о целях и составе сообщества. Так, в январе 2002 г. в Сингапуре премьер-министр Японии решил взять на себя инициативу, сформулировав цель создания регионального сообщества в Восточной Азии как «сообщества, которое совместно действует и совместно добивается успеха». Он предложил странам АСЕАН сотрудничество в достижении этой цели.

²⁴ Нихон кэйдзай симбун. 10.01.2006.

²⁵ The Japan Times. 16.01.2006.

²⁶ Japan Review of International Affairs. Special Issue. 1992. p. 50.

²⁷ Pacific Forum. 2002, vol. 04–06, p. 9–14.

При этом Дз. Коидзуми высказал предположение (граничившее с уверенностью), что в ядро организации также войдут Австралия и Новая Зеландия. По-видимому, с Пекином эта идея не обсуждалась, что, скорее всего, и определило ее бесперспективность. Японская сторона планировала в декабре 2003 г. провести в Токио саммит стран-участниц с тем, чтобы подписать Токийскую декларацию о «динамичном и долгосрочном партнерстве в новом тысячелетии»²⁸. Саммит так и не состоялся, декларация принята не была. Этот эпизод, с одной стороны, стал свидетельством наличия «подводных камней» на пути создания Восточно-Азиатского сообщества, с другой – показал официальному Токио, что ему не обойтись без поддержки Пекина, если он рассчитывает на успех регионального проекта.

В октябре 2003 г. Япония, Китай и Южная Корея приняли Совместную декларацию о развитии сотрудничества в Северо-Восточной Азии (СВА), которая рассматривалась ими в качестве подготовительного этапа распространения субрегионального опыта на всю Восточную Азию. В тексте декларации утверждалось, что трехстороннее сотрудничество будет развиваться «в прозрачной, не эксклюзивной и не дискриминационной форме»²⁹. До конца 2005 г. трехсторонние встречи на уровне лидеров, а также министров иностранных дел проходили регулярно. Казалось, Токио и Пекин готовы сделать следующий шаг к образованию региональной структуры с участием других стран. Предполагалось, что это может произойти в ходе очередного саммита АСЕАН, в котором должны были принять участие руководители Китая, Японии, Южной Кореи.

В декабре 2005 г. в Куала-Лумпуре (Малайзия) состоялась встреча руководителей стран-членов АСЕАН, на которой была учреждена Рабочая группа по подготовке устава региональной организации – Восточно-Азиатское сообщество (ВАС). Однако далее этого участники встречи продвинуться не смогли. Неудачный старт объяснялся разногласиями, прежде всего, между Токио и Пекином. Председатель КНР Ху Цзинтао, по-видимому, в связи с отказом от контактов с главой японского правительства в международной встрече участия не принимал. Между Китаем и Японией возникли расхождения и концептуального характера. Так, Китай при создании ВАС выражал заинтересованность ограничиться 13-ю странами (десять стран АСЕАН + Китай, Япония, Южная Корея). Япония же хотела, чтобы в состав сообщества входили 16 стран, включая Австралию, Новую Зеландию и Индию. По мнению японской стороны, в таком составе ВАС было бы менее зависимым от Китая, претендующего на абсолютное лидерство. Кроме того, участие Австралии, являющейся политическим союзником США, согласно японскому замыслу, могло бы умиротворить Вашингтон, которому, очевидно, будет трудно смириться с потерей прямого влияния на ВАС³⁰.

Итак, развернувшаяся «война нервов» в Восточной Азии, в которой в качестве основных «игроков» зримо участвуют Токио и Пекин, а незримо – и Вашингтон, вызывает усиливающуюся обеспокоенность в странах региона, в Японии. Согласно правительственному опросу общественного мнения, проведенному в феврале 2006 г., только 12% японских респондентов оценили состояние японо-китайских отношений как удовлетворительное. Среди специалистов существует мнение, что в случае «раскручивания» спирали напряженности Япония может пострадать в большей мере, чем Китай и Южная Корея (которая выступает солидарно с КНР в попытках оказания давления на Японию, в частности, в связи с «проблемой Ясукуни», содержанием школьных учебников истории). Китай, как считают японские специалисты, располагает мощными рычагами воздействия на Японию, и ее процветание находится в существенной зависимости от связей с КНР. Например, в 2001–2004 гг. объем японского экспорта в Китай вырос на 70%, став главным толчком для подъема экономики Японии, которая с трудом выходит из долговременного спада³¹. В политических кругах Японии есть сторонники точки зрения, что ради нормализации отношений с КНР руководство страны должно идти на компромисс с Пекином, в частности, согласиться с его требованием прекратить посещения премьер-министром храма Ясукуни. В то же время есть и противники такого взгляда.

Проблему двусторонних отношений пытается разрешить профессор Университета Рюкю Акио Такаха. Он считает, что «японцы должны уделить больше внимания преподаванию молодежи истории страны, особенно выяснению того, почему Япония в свое время вела войну с Китаем, и какие уроки были усвоены их родителями». Вместе с тем, отмечает Такаха, «хотя понятно, что китайское правительство находит национализм полезным средством единения нации, в то же время оно не должно забывать о том ущербе, который может быть нанесен региональной политике страны, если “патриотическое воспитание” формирует ненависть к партнеру КНР в регионе»³².

Следует отметить, что японцы предпринимают попытки вывести японо-китайские отношения из тупика. Так, в марте 2006 г. Пекин посетила делегация из представителей организаций японо-китайской дружбы во главе с бывшим премьер-министром Р. Хасимото. Из китайской столицы делегация возвратилась с посланием Председателя КНР Ху Цзинтао к японскому руководству. Основная мысль, выраженная в послании, состоит в следующем: если руководители Японии прекратят посещение храма Ясукуни, то глава китайского государства готов встретиться на высшем уровне «в любое время»³³.

Однако послание из Пекина не поколебало позицию премьер-министра Дз. Коидзуми, которая сводится к неоднократно повторенному тезису:

²⁸ Ibid.

²⁹ Ibid.

³⁰ ИТАР-ТАСС. 12.12.2005.

³¹ Асахи симбун. 02.04.2006.

³² Pacific Forum. 2002, vol. 04–06, p. 14.

³³ The Japan Times. 03.04.2006.

«Храм Ясукуни не будет использован в качестве дипломатической карты». Эта позиция, кстати, получила поддержку со стороны двух наиболее вероятных кандидатов в преемники Коидзуми, который осенью 2006 г. оставляет свой пост. Один из них, министр иностранных дел Т. Асо, выступая по телевидению, в который раз за последние месяцы высказал резкие критические замечания в адрес Пекина и указал на исходящую со стороны Китая военную угрозу. Не замеченный до этого в «антикитайских настроениях» второй из кандидатов, генеральный секретарь кабинета министров С. Абэ, заявил, что «неправильно со стороны Китая отказываться от переговоров с Японией лишь из-за одной проблемы». Он также подчеркнул, что «именно Китай должен сделать первый шаг» на пути к возобновлению переговорного процесса³⁴.

Таким образом, как следует из изложенного выше, отношения между Японией и Китаем в последнее время резко осложнились. Причины этого следует искать не только в политической и экономической, но также и в исторической плоскостях. Хотя о заинтересованности в преодолении тупиковой ситуации в переговорном процессе заявляют и та, и другая сторона, выход из нее не представляется простым. Например, ожидания, что выход из сложившегося положения будет найден осенью 2006 г., после смены главы японского правительства, могут не оправдаться. Есть основания полагать, что Токио и Пекину предстоит трудный и достаточно долгий путь к нормализации отношений.

Проблема «похищенных японцев» в отношениях Японии и КНДР

В. А. Гринюк

Отсутствие нормальных дипломатических отношений между Японией и КНДР – один из факторов нестабильности в Северо-Восточной Азии. С одной стороны, в Корее до сих пор жива память о колониальном господстве Японии, которое принесло корейцам беды и лишения, связанные с войной, подавление национальной культуры, насильственное переселение. С другой стороны, в настоящее время Япония рассматривает баллистические ракеты и оружие массового поражения Северной Кореи как главную угрозу для собственной безопасности. Перспективы налаживания нормальных двусторонних отношений еще более усложняются из-за проблем, связанных с похищениями японских граждан спецслужбами КНДР во второй половине XX в.

В сентябре 2002 г. состоялся официальный визит премьер-министра Японии Дз. Коидзуми в Пхеньян. И хотя на переговорах на высшем уровне, прежде всего, обсуждались проблемы безопасности обеих стран и вопросы сотрудничества в целях поддержания мира и стабильности в Северо-Восточной Азии, не осталась без внимания и болезненная тема о похищениях японцев. Председатель комитета обороны КНДР Ким Чен Ир в ходе беседы с Дз. Коидзуми признал факты похищений японских граждан спецслужбами КНДР и принес извинения. В подписанной руководителями двух государств «Пхеньянской декларации» по этому поводу говорится следующее: «Что касается еще не разрешенных вопросов, затрагивающих жизнь и безопасность японского народа, то Корейская Народно-Демократическая Республика подтвердила, что примет надлежащие меры, чтобы достойные сожаления проблемы, порожденные в обстановке отсутствия нормальных японо-корейских отношений, впредь не возникали»¹.

С 28 сентября по 1 октября 2002 г. группа следователей, сформированная японским правительством, изучала в Пхеньяне обстоятельства похищений соотечественников. Согласно разъяснениям северокорейской стороны, изложенным в докладе следственной группы, события развивались следующим образом. 15 ноября 1977 г. в г. Ниигата 13-летняя девочка М. Ёкота, возвращавшаяся домой из школы, была похищена северокорейским разведчиком и вывезена в КНДР. Как объясняли представители Пхеньяна, их оперативник в данном случае действовал самовольно и пошел на похищение школьницы, потому что в тот момент возникла опасность его разоблачения.

³⁴ The Japan Times. 03.04.2006.

¹ Гайко фураму. 2002, декабрь, № 173, с. 15.